

ЕЛЕНА ИООС

АПОЛОГИЯ ЛЖИ

Психологическая драма в 2-х действиях

Читательская проба: 1 действие

Аннотация

Талейран, проживая свой посмертный опыт, встречается разных исторических персонажей, которые обвиняют его во лжи и предательстве кого и чего только можно – от любовницы до Родины. Попутно всплывают обвинения в коррупции, измене принципам и лицемерии. Защищаясь, Талейран проявляет чудеса остроумия, находчивости и оказывается совсем не тем человеком, каковым его представляет общественное мнение.

Действующие лица

ТАЛЕЙРАН – остроумный, изворотливый, хромой старик с большим чувством собственного достоинства. Бывший министр иностранных дел при Директории, Наполеоне и премьер-министр и посол в Лондоне при реставрированных им Бурбонах.

НАПОЛЕОН – умён, великодушен, в меру честен

АЛЕКСАНДР I – умён, благороден, мучается совестью

СОКРАТ – мудрец, способный удержать равновесие в любой ситуации

БАБУШКА – прабабка Талейрана, аристократка, оставившая хорошие манеры из чувства свободы

МАТЬ – мать Талейрана, сугубая аристократка, для которой честь семьи и долг превыше всего

Второстепенные персонажи

ЕПИСКОП – пышет праведным гневом

ГЕРЦОГ ЭНГИЕНСКИЙ – отпрыск младшей ветви Бурбонов, невинно обвинённый в заговоре против Наполеона и расстрелянный по его приказу. Смирный благородный красавец.

ЛЮДОВИК XVI – французский король, отправленный Конвентом на гильотину в 1793 году. Обиженный на несправедливый суд толстый господин.

ФУШЕ – министр внутренних дел при Наполеоне. Хитрый лис.

БАРРАС – политический деятель Великой Французской Революции, один из пяти членов Директории. Многословный лицемер с благородной осанкой.

ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ – бывшая любовница Талейрана, влиятельная светская львица. Некрасива, но иронична и умна.

ВИКТОРИЯ ДЕЛАКРУА – бывшая любовница Талейрана, романтическая и гордая особа

ПАВЕЛ I – отец, простивший своего сына

Маленький мальчик, заменяющий Талейрана в финале

Массовые сцены

Массовка постоянно присутствует на сцене во II действии в качестве наполнения декораций и как бессловесная участница самого действия.

ДЕЙСТВИЕ I

Действующие лица и персонажи: Талейран, Александр I, Павел I, Бабушка, Наполеон, Герцог Энгиенский, Фуше, Епископ, Людовик XVI, Сократ

1

Ненавязчиво звучит мелодия старинной французской песенки про птичку. Туман на сцене рассеивается. Александр I ходит, как будто ожидая кого-то. Входит Талейран с костылём и в шляпе, озирается. Заметив Александра, бросается к нему.

ТАЛЕЙРАН. Слава Богу, хоть одна живая душа!.. Месье! Приветствую Вас! Будьте любезны... Блуждаю в потёмках уже невесть сколько времени, подскажите старику, в какую сторону выход?

АЛЕКСАНДР. *(поворачивается, учтиво кивает)* В любую.

ТАЛЕЙРАН. Ва-ваше Императорское Величество? Как? Вас же... Вы же... давно уже...

АЛЕКСАНДР. А Вы только что, поздравляю.

ТАЛЕЙРАН. Какая приятная встреча! *(кланяется в три темпа, сняв шляпу)*

АЛЕКСАНДР. Я тоже весьма рад.

ТАЛЕЙРАН. Признаюсь, не ожидал встретить Вас здесь.

АЛЕКСАНДР. А я, напротив, с нетерпением Вас поджидаю.

ТАЛЕЙРАН. Это большая честь для меня. Чем обязан, Ваше Величество?

АЛЕКСАНДР. Ах, полно нам церемониться, давайте по-простому, князь, без титулов.

Здесь все равны. Liberté, Égalité, Fraternité, так сказать. Александр Павлович, просто Александр Павлович.

ТАЛЕЙРАН. *(Осторожно протягивает руку)* Шарль-Морис, просто Шарль-Морис.

АЛЕКСАНДР. *(Прячет руки за спину)* Нет, знаете, это как-то неловко. Лучше - господин Талейран.

ТАЛЕЙРАН. *(несколько обиженно)* Талейран. С Вашего позволения... *(Надевает шляпу)* Чем же всё-таки обязан, Александр Павлович?

АЛЕКСАНДР. Видите ли, меня мучает один вопрос... до такой степени, что даже после смерти мне покоя нет. *(Задумывается)* Простите... мне нужно немного времени, чтобы собраться с духом. Расскажите пока что-нибудь занимательное.

ТАЛЕЙРАН. К Вашим услугам. Мне перед смертью сны стали сниться, прямо как в детстве, яркие такие... Вижу себя мальчиком на лужайке, в парке замка Перигор (*напевает песенку про птичку*). Наверху, на лестнице, стоит бабушка: ручки свои сухие сложила лодочкой и смотрит на меня так умильно! Солнце льётся по ступенькам... От жары даже птички умолкли ... Я взбегаю к ней, прижимаюсь, а она улыбается и гладит меня по голове ласково-ласково... И люблю я её взхлёб! Думаю - хоть бы не просыпаться.

АЛЕКСАНДР. Удивительно. Раньше за Вами сентиментальности не водилось. Князь, это точно Вы?

ТАЛЕЙРАН. Совершенно точно. Князь Талейран-Перигор, герцог Беневентский. Не похож?

АЛЕКСАНДР. Время, знаете ли, никого не щадит.

ТАЛЕЙРАН. Хорошо что Вы умерли молодым и красивым.

АЛЕКСАНДР. Хм. Сорок семь лет это, по-Вашему, молодость?

ТАЛЕЙРАН. В мои восемьдесят четыре я мог бы быть Вашим дедушкой.

АЛЕКСАНДР. А Вы каким умерли, господин Талейран?

ТАЛЕЙРАН. А я старым, больным, но умиротворённым. Знаете что ТАМ пишут о моей кончине? «Талейран умер. Любопытно, зачем это ему теперь понадобилось.» А? Каково!

АЛЕКСАНДР. Остроумно. И зачем же?

ТАЛЕЙРАН. Вот и Вы мне не верите. А я умер совершенно искренне, без всякой задней мысли.

Александр сверлит Талейрана недоверчивым взглядом.

ТАЛЕЙРАН. Послушайте, я такой же человек как и Вы... То есть был.

АЛЕКСАНДР. Пожалуй... (*Пауза*) Я готов задать свой вопрос.

ТАЛЕЙРАН. Прошу Вас, Александр Павлович, я весь внимание.

АЛЕКСАНДР. Господин Талейран, Вы помните наши переговоры в Эрфурте? Вы тайно являлись ко мне и убеждали дать отпор Вашему императору.

ТАЛЕЙРАН. Прекрасно помню.

АЛЕКСАНДР. Вы настаивали, чтобы я не подписывал конвенцию в том виде, как её предложил Наполеон. Я, в общем-то и не собирался, но... ах, неважно. Хм. Вы вели

игру против него. Вы с честными глазами предавали своего императора. Признаюсь, я был поражён.

ТАЛЕЙРАН. Да, Ваше Величество, так и было.

АЛЕКСАНДР. Скажите, зачем Вы изменили человеку, доверявшему Вам?

ТАЛЕЙРАН. Вот именно, человеку. Но не Франции.

АЛЕКСАНДР. Полноте, князь. Вся Европа лежала у его ног, Россия подписала невыгодный договор, Англия была ограничена в торговле. Это открывало Франции великие перспективы.

ТАЛЕЙРАН. Эти великие перспективы обходились французам слишком дорого.

АЛЕКСАНДР. Простите, друг мой, но я не верю в Ваш патриотизм. Да и сумма денежного вознаграждения, которое Вы от нас получили, не позволяет мне думать о Вас иначе, как о ...

ТАЛЕЙРАН. *(прерывает)* Вы презираете меня?

АЛЕКСАНДР. Должен был бы. Но... нет, я не это имел в виду...

ТАЛЕЙРАН. *(язвительно)* Уж не потому ли, что Ваше Императорское Величество истинный христианин? Ближнего любите?

АЛЕКСАНДР. Вы забываетесь, князь!

ТАЛЕЙРАН. Что Вы от меня хотите, наконец? Чтобы я Вам честно признался почему, продавая всех и вся, как все говорят, я не сделал исключения для великого человека Наполеона Бонапарта, единственного, которым я действительно восхищался и которого, может быть, даже любил?

АЛЕКСАНДР. Почти. Я хочу понять истинный мотив Вашего предательства.

ТАЛЕЙРАН. Однако! ...Ах да, Вы же русский, вам обязательно истина нужна... А зачем? Чтоб больнее мучиться?.. Вас, русских, хлебом не корми, дай только на Голгофу влезть. Вы всё время как будто ЕГО крест на себя примеряете... Но Вам-то это зачем, Александр Павлович? В вас же русской крови и на каплю не наберётся?

АЛЕКСАНДР. На что Вы намекаете?

ТАЛЕЙРАН. На то, что у Вас русского только имя и фамилия.

АЛЕКСАНДР. Ещё Вера есть. И совесть.

ТАЛЕЙРАН. Это что за зверь такой? Тот что моется всё время и истиной кормится? Простите что я Вас поучаю, Ваше Вел... Александр Павлович, но лучше поздно, чем никогда. Послушайте старика: на чистую совесть удобно ссылаться, но иметь её вовсе не обязательно.

АЛЕКСАНДР. (*горько усмехается*) Вы новенький, ещё не освоились на новом месте. Простите что я Вас поучаю, но ЗДЕСЬ сослаться можно только на то, что имеешь.

ТАЛЕЙРАН. Ах да, да, другие обстоятельства, другие правила... я это не учёл... Хорошо, я Вам откроюсь. Но при одном условии – сначала Вы удовлетворите моё любопытство.

АЛЕКСАНДР. Узнаю Талеярана: когда торговать нечем, торгуете условиями.

ТАЛЕЙРАН. И всегда остаюсь в выигрыше, заметьте!

АЛЕКСАНДР. Мне страшно делается от Вашей самоуверенности. Прошу Вас, оставьте...

ТАЛЕЙРАН. О-о, на этот раз мой интерес почти бескорыстен: Ваш ответ хотели бы знать все, а буду знать один я! Хе-Хе!

АЛЕКСАНДР. И что Вам с того? Никуда Вы своё знание употребить уже не сможете – ни к добру, ни к худу.

ТАЛЕЙРАН. Что это Вы обо мне как о нечистой силе говорите... «ни к добру, ни к худу». Я тоже человек... принципов! Даже если они и не всем понятны.

АЛЕКСАНДР. (*саркастически смеётся*) Простите, ради Бога...

ТАЛЕЙРАН. (*обиженно*) Вы требуете от меня откровенности? С какой стати? Говорить правду не в компетенции дипломата.

АЛЕКСАНДР. Вы уже не дипломат, зачем скрываться?

ТАЛЕЙРАН. А Вам зачем? Ответьте мне, я отвечу Вам.

АЛЕКСАНДР. (*после долгого молчания*) Есть только один вопрос, который я не хотел бы услышать. Даже здесь, даже сейчас...

ТАЛЕЙРАН. Может я не угадаю и спрошу совсем о другом.

АЛЕКСАНДР. Вы-то? Вы же Талейран. Ваша ясность ума беспощадна.

ТАЛЕЙРАН. Но Вы, Ваше Величество, всегда были для меня загадкой. Я никогда не мог понять о чём Вы думаете. У Вас лицо сфинкса.

АЛЕКСАНДР. Послушайте, господин Талейран, разве нельзя по-человечески ответить? Обязательно нужно чтобы я душу перед Вами выворачивал?

ТАЛЕЙРАН. О, прошу Вас, душу не надо. Не усложняйте. Мой вопрос – Ваш ответ и наоборот. Взаимовыгодная сделка. Неужели Вы ждали меня напрасно?

АЛЕКСАНДР. Да какая Вам польза от моей правды?

ТАЛЕЙРАН. Собственно, никакой, но осведомлённость лишней не бывает. Так, на всякий непредвиденный случай.

АЛЕКСАНДР. Надеетесь воскреснуть?

ТАЛЕЙРАН. Что Вы! Я нажился досыта.

АЛЕКСАНДР. Ах, я, кажется, догадываюсь – это один из Ваших принципов: ничего не делать бескорыстно.

ТАЛЕЙРАН. И это тоже.

АЛЕКСАНДР. Вы не оставляете мне выбора.

ТАЛЕЙРАН. Я Талейран, мне можно.

АЛЕКСАНДР. Вы так беззастенчиво торгуетесь, как будто за Вашим ответом скрывается некая ужасная тайна. Может Вы просто цену себе набиваете, а ответ и выеденного яйца не стоит?

ТАЛЕЙРАН. Александр Павлович, Вас интересует моё предательство? Это щекотливая тема и уж точно дороже выеденного яйца. Или Вы думаете, что душу оголять только Вам одному неприятно?

АЛЕКСАНДР. Что ж... откровенность за откровенность. Спрашивайте!

2

Талейран, воодушевляясь, потирает руки.

ТАЛЕЙРАН: Александр Павлович, в ТОТ день, когда Вашего батюшку... так сказать... Вы знали что он будет убит?

Александр застывает с непроницаемым лицом.

ТАЛЕЙРАН. Ваше Величество, Александр Палы-ыч, продолжим? Или отступитесь?

АЛЕКСАНДР. Мне кажется, наш разговор приобретает характер взаимной порки.

ТАЛЕЙРАН. Отступитесь. К чему эти посмертные разбирательства. Не для того я умер в покое и полном довольстве, чтобы сейчас, здесь... кстати, что это за место?

АЛЕКСАНДР. Просто место, вне времени и протяжённости.

ТАЛЕЙРАН. Мне невозможно это понять. Я всегда был слабоват в философии.

АЛЕКСАНДР. Нет никакой философии. Тут вообще ничего нет... кроме совести.

ТАЛЕЙРАН. Ага, значит это место Вашей совести. Темно-то как. М-мда. Александр Палыч, а я перед смертью с церковью примирился и даже получил от Папы отпущение грехов. Хе-хе... И знаете что обо мне написали? Что я всю жизнь обманывал бога, а перед самой смертью вдруг обманул сатану. Впрочем, не вижу разницы.

АЛЕКСАНДР. А себя Вы обманывали?

ТАЛЕЙРАН. Разумеется! А потом честно врал другим. Шутка. Зачем мне себя обманывать? Вы же сами сказали, что мой ум беспощаден.

АЛЕКСАНДР. Как же Вам было, должно быть, тяжело...

ТАЛЕЙРАН. Отчего же. Если делать только то, что необходимо для достижения цели, то совесть - Вы же её имеете в виду? - смирится перед грандиозностью будущего успеха.

АЛЕКСАНДР. Всегда?

ТАЛЕЙРАН. Абсолютно, если Вы умный человек.

АЛЕКСАНДР. Я в Бога верю.

ТАЛЕЙРАН. Александр Павлович, вера не отменяет здравого смысла.

АЛЕКСАНДР. Да, Вы правы, наверное...

ТАЛЕЙРАН. Конечно прав. Продолжим, Александр Павлович?

АЛЕКСАНДР. Да-да.

Александр заметно волнуется. Талейран, напевая (старинную французскую песню про птичку), осматривается. Вытягивает руку в глубину сцены, там из черноты появляется пустой трон судьбы. Он удивлён эффектом: «О-о!...» Указывает в стороны, проверяя возможности – появляется скамья обвиняемого, затем кресло прокурора: «Оу!...о-ля-ля!...» Талейран удовлетворённо потирает руки.

ТАЛЕЙРАН. Что ж, форма соблюдена. Приступим к содержанию. Прошу Вас, Ваше Величество... Не передумали?

Александр обречённо садится на скамью обвиняемых.

АЛЕКСАНДР. Я готов. Хотя и не предполагал, что Вы устроите настоящее судилище.

ТАЛЕЙРАН. (*тихо себе*) Александр предполагает, а Талейран располагает. Хе-Хе!
(*громко*) Это не я, это Ваша совесть. Вы же сами этого хотели?

Талейран занимает место прокурора.

ТАЛЕЙРАН. Прокурором я ещё не был. Но раз уж это так необходимо... и только из уважения к Вам. Итак, приступим. Скажите, Александр

Павлович, Вам было известно о заговоре против Вашего отца?

АЛЕКСАНДР. Нет! То есть да... Я понимал теоретическую возможность такого. Но официально мне об этом не докладывали.

ТАЛЕЙРАН. Однако, в ночь убийства Вы и Ваша царственная супруга не ложились спать и были одеты как подобает случаю. Вы подтверждаете это?

АЛЕКСАНДР. (*тихо*) Откуда Вам это известно?... Д-да.

ТАЛЕЙРАН. Простите старика, не расслышал. Подтверждаете ли Вы, что в ночь убийства...?

АЛЕКСАНДР. Да, подтверждаю!

ТАЛЕЙРАН. Отлично. Вы также были знакомы лично с главными заговорщиками.

АЛЕКСАНДР. Да.

ТАЛЕЙРАН. Громче, пожалуйста.

АЛЕКСАНДР. Гхм-м... Был знаком.

ТАЛЕЙРАН. И они обсуждали с Вами перспективы правления императора и самодержца Всероссийского Павла I, возможную войну с Англией, будущий русско-французский поход в Индию?

АЛЕКСАНДР. Обсуждали.

ТАЛЕЙРАН. Вы слышали о видах вашего батюшки на развод с Вашей матушкой, ссылку её в Холмогоры, возможное заточение в Шлиссельбург Вас, а Вашего брата Константина в Петропавловскую крепость?

АЛЕКСАНДР. В Петербурге, видимо, так громко шепчут, что эхо отдаётся в Париже.

ТАЛЕЙРАН. И не только там. Так слышали Вы или нет?

АЛЕКСАНДР. Слышал, но это же просто сплетни...

ТАЛЕЙРАН. Положим, что так. И Вы оставались равнодушны к такого рода высказываниям?

АЛЕКСАНДР: Н-Нет... Но я не верил, что отец способен на это. Его поносили как безумца, но я...

ТАЛЕЙРАН. Но Вы не верили в его безумие?

АЛЕКСАНДР. Конечно же нет. Я видел, что вокруг него смыкается круг. Его политика раздражала слишком многих. Он был в постоянной тревоге, словно готовил что-то, но что - не знал никто. Мой отец был непредсказуем.

ТАЛЕЙРАН. Другими словами, Вы боялись скорее его непредсказуемости чем его самого?

АЛЕКСАНДР. Можно и так сказать.

ТАЛЕЙРАН. Можно ли также сказать, что Ваши знакомые заговорщики боялись того же?

АЛЕКСАНДР. Вероятно.

ТАЛЕЙРАН. Вероятно ли также, что для заговорщиков речь шла о том, кто кого опередит?

АЛЕКСАНДР. Возможно.

ТАЛЕЙРАН. Я осмелюсь предположить, что они торопились. И Вы не могли не знать об этом.

АЛЕКСАНДР. Да, но... я просил отсрочки.

ТАЛЕЙРАН. Почему?

АЛЕКСАНДР. Н... не знаю.

ТАЛЕЙРАН. Вы любили своего отца?

АЛЕКСАНДР. Мне ваш вопрос непонятен.

ТАЛЕЙРАН. Испытывали Вы сыновние чувства к Павлу Петровичу? Могли запросто говорить с ним, гулять, смеяться?

АЛЕКСАНДР. *(Пауза)* Я воспитывался у бабушки.

ТАЛЕЙРАН. Понимаю. Я тоже почти не знал своего отца и бабушка была единственным человеком в семье, кто меня любил. Я не настаиваю на ответе, но всё же...

АЛЕКСАНДР. Я старался выполнять свой сыновний долг.

ТАЛЕЙРАН. Конечно, конечно. А он Вас любил, как Вы думаете?

АЛЕКСАНДР. Мы появляемся на свет не для любви.

ТАЛЕЙРАН. Уточните, пожалуйста, Александр Павлович, кого Вы имеете в виду под словом МЫ?

АЛЕКСАНДР. Всех принцев крови.

ТАЛЕЙРАН. Как я с вами согласен. *(Поправляет осанку)* Или повелевать, или любить. Третьего не дано.

АЛЕКСАНДР. У меня был моральный долг перед отцом и я его выполнял.

ТАЛЕЙРАН. А потом Вас, принца крови, цесаревича, убедили, что у Вас есть ещё и моральный долг перед Родиной?

АЛЕКСАНДР. *(вскакивает)* Да, долг перед Родиной! Крепостное право, абсолютизм, произвол правления – всё это давно устарело!

ТАЛЕЙРАН. Да Вы либерал, Ваше Величество. И как успехи?

Александр молча садится.

ТАЛЕЙРАН. Мы отвлеклись от главного. Александр Павлович, ответьте, как бы Вы поступили на месте Вашего отца, если бы в результате обстоятельств временно непреодолимого характера были бы вынуждены подписать отречение от престола при условии сохранения жизни?

АЛЕКСАНДР. Если бы я был убеждён в правоте своего политического курса и ждал бы от наследника разрушения всего мною созданного, я бы на следующий же день нашёл способ аннулировать документ, арестовал бы всех заговорщиков и престолонаследника.

ТАЛЕЙРАН. Вы забыли про жену...

АЛЕКСАНДР. Отец был убеждён, что Мария Фёдоровна тоже питает надежды на престол. Он хорошо знал историю династии.

ТАЛЕЙРАН. Он был прав?

АЛЕКСАНДР. Мать никогда не забывала что она коронованная императрица. В ту роковую ночь наши отношения с нею разладились, она даже переехала в Павловский дворец.

ТАЛЕЙРАН. Ответ принят. Идём далее. Вы задавали себе когда-нибудь вопрос, Александр Павлович, зачем было нужно, чтобы Вы скорее заняли место своего отца? Ведь Ваш батюшка тоже проводил реформы. Облегчил бремя крепостных крестьян, реформировал армию, поприжал дворянство – всё это было в духе новых веяний времени, которые разделяли и Вы?

АЛЕКСАНДР. Я хотел идти быстрее и дальше.

ТАЛЕЙРАН. И каков итог?

АЛЕКСАНДР. ... Я думал об этом. Есть две причины моей неудачи. Первая заключается в том, что не на кого было опереться. У меня были единомышленники, вернее, я стал единомышленником моих друзей. Для воплощения наших реформ нужно было прежде всего вычистить административную систему, освободить место свежим силам, отстранить старую элиту от рычагов управления. Вы это должны понимать как никто другой, господин Талейран.

ТАЛЕЙРАН. О да! Я вас понимаю как никто другой.

АЛЕКСАНДР. Но как же я это сделаю, если я плоть от плоти её!

ТАЛЕЙРАН. Только при одном условии, если Вы предадите своё сословие.

АЛЕКСАНДР. Но я не предатель!

ТАЛЕЙРАН. А я вот, князь Талейран Перигор, герцог Беневентский, кавалер орденов Франции, Испании, Австрии, Дании, Баварии, Вестфалии, Саксонии, Пруссии, Персии, Обеих Сицилий и, между прочим, Российской империи, предал и ничего, дожил до глубокой старости. И ни о чём не жалею.

АЛЕКСАНДР. Вы не были русским царём.

ТАЛЕЙРАН. К счастью, нет. Какова же вторая причина?

АЛЕКСАНДР. Сам от себя не ожидал, но... Я оказался мелким человеком – не мог простить некоторым моим товарищам блеска ума большего, чем мой собственный. Они всегда должны были чувствовать наше неравенство.

ТАЛЕЙРАН. В больших делах важнее должно быть дело, а не личные амбиции.

АЛЕКСАНДР. Я понял это слишком поздно. Действия моих товарищей были свободны до тех пор, пока они делали, что хотел я.

ТАЛЕЙРАН. В таком случае, и заговорщики делали не более того, что хотели Вы сами?

АЛЕКСАНДР. Нет! ... Вернее... не совсем так. Просто в какой-то момент наши интересы совпали.

ТАЛЕЙРАН. И Вы одобрили низложение императора Павла I.

АЛЕКСАНДР. Меня вынудили это сделать, но я не знал что его убьют.

ТАЛЕЙРАН. Не знали, или не хотели знать?

АЛЕКСАНДР. *(Пауза)* Да.

ТАЛЕЙРАН. Простите, не могли бы Вы выразиться яснее?

АЛЕКСАНДР. *(с трудом)* Не хотел...

ТАЛЕЙРАН. Уточните, пожалуйста, что именно Вы не хотели?

АЛЕКСАНДР. Знать. Мгм. Не хотел... знать.

ТАЛЕЙРАН. Что и требовалось доказать! Поздравляю Вас, Ваше Императорское Величество. Вам хватило духа признаться почти в отцеубийстве. Вы совсем не мелкий человек.

Александр тяжело поднимается со скамьи подсудимых, подходит к Талейрану и с чувством пожимает ему руку.

АЛЕКСАНДР. Признаться в преступлении порой страшнее чем совершить. Благодарю Вас. Мне стало легче.

ТАЛЕЙРАН. Пожалуйста, пожалуйста... А знаете, Александр Павлович, я так и думал. У нас с Наполеоном однажды разгорелась целая дискуссия. Он был убеждённый

сторонник Вашего благородства, но плоховато знал русскую историю. Я же по роду службы был гораздо лучше осведомлён, хе-хе... о традиции русского престолонаследия.

АЛЕКСАНДР. Как будто только русского. Надеюсь, эта традиция на мне и закончилась.

ТАЛЕЙРАН. Надейтесь, Ваше Величество.

Александр больше не «сфинкс», его лицо как-бы оттаяло и на нём читаются эмоции.

3

ТАЛЕЙРАН. Вы ещё помните свой вопрос ко мне, Александр Павлович? Должен ли я ещё отвечать на него?

АЛЕКСАНДР. Да, прошу Вас.

ТАЛЕЙРАН. К Вашим услугам.

Александр и Талейран меняются местами.

ТАЛЕЙРАН. Меня часто обвиняли, но чтоб судить - никогда.

АЛЕКСАНДР. Таких как Вы судит история.

ТАЛЕЙРАН. Ах, бросьте, это просто фигура речи, хотя и приятная. Как история может судить? Судят люди.

АЛЕКСАНДР. Судит Бог.

ТАЛЕЙРАН. Неужели.

АЛЕКСАНДР. Вы же сами придумали этот антураж – скамья подсудимых, место прокурора... Мне это не нужно. *(Поводит рукой и мебель исчезает)*

ТАЛЕЙРАН. Хотите сказать, что это нужно мне?

АЛЕКСАНДР. Не знаю. Может быть.... Вы готовы отвечать?

ТАЛЕЙРАН. Я своё слово держу.

АЛЕКСАНДР. Почему Вы предали Вашего императора?

ТАЛЕЙРАН. Почему, почему...

АЛЕКСАНДР. Власти у Вас было вдоволь, денег тоже, место его занять Вы не хотели...

ТАЛЕЙРАН. Боже упаси.

АЛЕКСАНДР. Кажется я догадываюсь – Вы не могли простить гению его гениальность?

ТАЛЕЙРАН. Опять мимо. Не прощать гению гениальность – удел завистливой посредственности.

АЛЕКСАНДР. Вы правы.

ТАЛЕЙРАН. А я – НЕ посредственность. Понимаете? Более того, я сам – гений!

Франции повезло с нами дважды – один не знал границ возможного и достиг невозможного, другой знал как из невозможного сделать возможное. Он кроил, а я шил новую Европу. К тому же за это хорошо платили. Мы прекрасно ладили. Ах, какое это было время! Какое время! Тандем великих!

АЛЕКСАНДР. Я бы желал этого для будущей России.

ТАЛЕЙРАН. Что, великий тандем?

АЛЕКСАНДР. Нет, такое вряд ли повторится. Но я бы хотел, чтобы у будущих поколений нашлись силы и мужество из невозможного сделать возможное.

ТАЛЕЙРАН. Александр Павлович, как там у вас, у русских: «не буди лихо пока оно тихо»? Хе-хе...

АЛЕКСАНДР. (*задумчиво*) Да... лучше не будить.

ТАЛЕЙРАН. Пусть спит себе.

АЛЕКСАНДР. Господин Талейран, мы отвлеклись. Два равных гения, всё прекрасно и вдруг...

ТАЛЕЙРАН. Не вдруг. Мы разошлись концептуально. Начали дрейф в противоположных направлениях. Он хотел объединить Европу под эгидой великой Франции и привлечь Россию к совместной борьбе против Англии. Я же был сторонником союза с англичанами.

АЛЕКСАНДР. Да, да, меня всегда удивляла Ваша любовь к Англии, граничащая с государственной изменой.

ТАЛЕЙРАН. Далась Вам эта измена. Ах да... я опять забыл что Вы русский, пардон.

Так вот. (*Постепенно увлекается*) Англичанам удалось выстроить финансовую систему, которая сама себя наращивает, этакая своеобразная пирамида.

Беспроектный вариант на столетия вперёд! Залог стабильности и процветания!

Правительство берёт кредиты везде где дают и продаёт эти деньги частями своим гражданам под более высокий процент. Те строят национальную промышленность, дороги, развивают сельское хозяйство, платят налоги, наполняют казну. Денег столько, что можно купить всю Францию с потрохами.

АЛЕКСАНДР. Но кредиты же нужно возвращать?

ТАЛЕЙРАН. Возвращайте себе на здоровье и берите для этого новые. Потом ещё, и ещё, и ещё... Вы уже столько должны, что Вашим кредиторам придётся держать Вас на плаву любой ценой. Сами будут тонуть, а Вас спасут. Ваши долги затягиваются как удавка на ИХ шее. И чем больше Вы должны, тем больше они дадут. Напечатают - и дадут. Есть деньги – есть торговля. Колесо запущено. Главное чтоб не останавливалось. А для этого нужно – внимание - всегда полностью и в срок погашать проценты. Только и всего. Просто, как всё гениальное!

АЛЕКСАНДР. А если кто-то засунет в это колесо палку?

ТАЛЕЙРАН. Вот поэтому я и был против союза с Россией. У вас всегда палка наготове. Тогда катастрофа. Но. Есть способ – надо силой заставить всех крутить это колесо в одну сторону и отобрать палки. Нужно объединить Европу, перенять систему финансов Англии и богатеть мирным путём. Но на беду, Наполеон сам любил палкой помахать. Он был конечно, великий человек, но ограниченный. Поэтому я его и покинул.

АЛЕКСАНДР. Значит дело всё-таки в деньгах? Куда Вам столько?

ТАЛЕЙРАН. Вы не поняли. Моих денег мне хватило бы на три жизни вперёд. Не в этом же дело! Англия создала новую, прекрасно работающую финансовую схему. Кто раньше в неё включится, тот больше выиграет, понимаете? Последние остаются в дураках. Франция уже и так потеряла много времени пока нянчилась со своими корольками. Предал я или не предал Бонапарта – мне это безразлично. Вовремя предать - это предвидеть. Выстраивать отношения с Англией – в этом была моя цель. Я служил благополучию Франции и в отдалённой перспективе всей Европы. А Наполеон – своему гению. Вот и вся разница между нами.

АЛЕКСАНДР. Значит, вы его не предавали?

ТАЛЕЙРАН. Нет. Я его покинул когда посчитал нужным, по идейным соображениям. Кстати, с вами я встречался как частное лицо.

АЛЕКСАНДР. Да-да, я улавливаю разницу... Теперь я лучше понимаю Ваш принцип. Цель оправдывает средства?

ТАЛЕЙРАН. Всегда оправдывает. Наполеон тоже в этом не сомневался.

АЛЕКСАНДР. Наверное, гениям это дозволено.

ТАЛЕЙРАН. И кесарям тоже. Перестаньте мучиться.

АЛЕКСАНДР. По-Вашему, ради великой цели и убить можно?

ТАЛЕЙРАН. Можно. Великому человеку можно.

АЛЕКСАНДР. А не великому?

ТАЛЕЙРАН. У невеликого не бывает великих целей. Их заменяет великое тщеславие.

АЛЕКСАНДР. Как же разобраться, как отличить одно от другого?

ТАЛЕЙРАН. Не знаю. Это всегда со временем выясняется. Хотя, каждый, наверное, понимает, ради чего на самом деле старается.

АЛЕКСАНДР. Но ведь мы все под Богом ходим...

ТАЛЕЙРАН. Опять двадцать пять! Да ходите Вы где хотите! А мне нужно... дальше...

Ой! ... что это?! Что же это со мной... Господи! Да что же это?! Куда? Что со мной?

Талейран как-будто сопротивляется невидимой силе, тянущей его в глубь сцены.

Александр бежит за ним, протягивая руку для прощального пожатия.

АЛЕКСАНДР. Благодарю Вас, друг мой! Дай Бог Вам пройти все испытания! (*крестит Талеярана*)

ТАЛЕЙРАН. Какие испытания?! Матерь Божья, что со мной?!

АЛЕКСАНДР. Простите и прощайте!

ТАЛЕЙРАН. Проща-а-айте... (*исчезает*)

АЛЕКСАНДР. (*один*) предавать значит предвидеть... предавать значит предвидеть... Предвидеть... и предавать.

Александр неопределённо машет рукой, в глубине сцены загорается слабый свет и клубится туман.

4

Входит Павел I в серой хламиде. Александр бросается перед ним на колени.

АЛЕКСАНДР. Отец! Отец!! Простите меня!

ПАВЕЛ. Что ты, сынок, что ты! Разве ты виноват?

АЛЕКСАНДР. Как!? Я же предал Вас? А заговор?.. Я же знал!!

ПАВЕЛ. Знал, не знал – какое теперь это имеет значение? Встань-ка, я тебе коленки отряхну. (*Наклоняется и отряхивает Александру пыль с колен*)

АЛЕКСАНДР. Что Вы делаете? Отец, что с Вами?

ПАВЕЛ. Я счастлив. Моя мечта исполнилась – чувствую себя настоящим заботливым отцом. В жизни-то не успел... Закрой рот, а то птичка влетит.

АЛЕКСАНДР. Н-но... я же... преступник...

ПАВЕЛ. Преступник, преступник... (*поправляет на Александре ещё что-то*) Какой ты у меня красавец!

АЛЕКСАНДР. Отец, после Вашей смерти я понял все ничтожество своё, тщеславие, а главное трусость. Трусость!

ПАВЕЛ. (*нежно обнимает*) Сынок! Ты у меня молодец!

АЛЕКСАНДР. Отец, вы меня слышите?!

ПАВЕЛ. Слышу. (*Нагибается и подбирает горсть пыли*) На вот тебе.

АЛЕКСАНДР. Что это?

ПАВЕЛ. Пепел. На голову посыпь.

АЛЕКСАНДР. Зачем?

ПАВЕЛ. Ты же в грехах каешься? Ну и сыпь. Дай я сам. (*Приподнимается на цыпочки и сыплет Александру пепел на голову, напевая детскую песенку.*) Полегчало?

АЛЕКСАНДР. Вы смеётесь надо мной?

ПАВЕЛ. Ну да. Ха-ха-ххаа!..

АЛЕКСАНДР. И что теперь?

ПАВЕЛ. Господи, горе ты моё, пойдём.

АЛЕКСАНДР. Куда?

ПАВЕЛ. Домой. Все тебя заждались. Бродишь тут в потёмках который год.

АЛЕКСАНДР. Кто ВСЕ, папа?

ПАВЕЛ. Мама, Костя, Сашенька, Катя с Леной да Ольгушка. Али не признаёшь?

Выходят уже умершие родные: мать Мария Фёдоровна, брат Константин, сестры Александра Елена, Екатерина и трёхлетняя Оля. Александр бросается навстречу, слышны голоса и смех, все уходят в клубы тумана.

Талейран выкатывается на сцену и оказывается на четвереньках в клубах тумана.

ТАЛЕЙРАН. Уффф... Какие странные испытания... У Данте этого не было. Старик всё сочинил. Хе-хе... Мошенник. Так. Осмотримся...

Талейран поднимается, озираясь, бродит по сцене и движениями рук как бы «зажигает» в темноте образы людей, разглядывает их. Постепенно осваивается и даже напевает народную французскую песенку «Птички».

ТАЛЕЙРАН. «Здесь шуметь неосторожно, ведь можно птичек напуга-а-ать»... Я всегда умел правильно настроиться.

ГОЛОС БАБУШКИ. И хорошо устроиться! Шарль-Морис! Дитя моё, помоги спуститься, тут высоко.

На сцене в полумраке проявляется гигантский стеллаж, на одной из нижних полок которого высвечена молодая женщина, одетая по моде начала 18 века. На других полках полно исторических персонажей 18-го начала 19 веков, там кипит жизнь. Талейран галантно подаёт руку.

ТАЛЕЙРАН. Мадам, прошу... осторожно, не оступитесь...

Он помогает женщине сойти и целует ей запястье.

БАБУШКА. Не узнал, не узнал! Бабушку родную не узнал!

ТАЛЕЙРАН. Бабушка?! Это Вы, дорогая моя? Как я рад!!

БАБУШКА. Такой я была в юности. Хорошенькая, правда? Поди ко мне скорее, не бойся, поцелуй меня... *(Талейран целует ее в подставленную щёку)* Хороший мальчик! Дай на тебя взглянуть. Повернись... Почему ты хромаешь? Брось костыль сей же час!

ТАЛЕЙРАН. *(канючит)* Как же, Бабушка, неужели не помните – у меня же ножка больная? Всю жизнь хроменьким был.

БАБУШКА. Помню, помню! А сейчас зачем криво стоишь? Стань пряменько, спинку вытяни.

ТАЛЕЙРАН. Но Бабушка! Зачем Вы смеётесь надо мной?

БАБУШКА. Вот ещё, делать мне нечего. *(Меняет тон)* Стань прямо, как подобает подлинному аристократу. Брось костыль! Кругом! Раз-два! Кругом! Раз-два!

Талейран бросает костыль, выпрямляется и шагает по команде не хромая.

БАБУШКА. Вот так, дорогой, главное верить.

ТАЛЕЙРАН. В Бога?

БАБУШКА. В Бабушку. Но можно и в бога.

Талейран недоверчиво приседает, делает танцевальные па, приглашает бабушку на танец, та кокетливо становится с ним в пару.

ТАЛЕЙРАН. Дорогая моя, я давно хотел спросить, но стеснялся...

БАБУШКА. Ты стеснялся? Ха-ха! Спрашивай что хочешь, любимый, самое время.

ТАЛЕЙРАН. Бабушка, почему Вы меня к себе взяли? Я был убог и жалок, успехов не сулил... Выбракровка, одним словом.

БАБУШКА. А я кто была по твоему? Седая, старая, гордая и одинокая... карга в чепчике. А тут такой цыплёночек пропадает... (щиплет Талейрана за щёку)

ТАЛЕЙРАН. Ай! Бабушка! Вы очень изменились.

Бабушка исполняет грубоватый простонародный танец.

БАБУШКА. Ты про мои дурные манеры? Я всегда хотела чего-нибудь эдакое отчебучивать, да происхождение мешало. Теперь другое дело! Да и перед кем тут чваниться? Здесь аристократы пуше моего штабелями лежат, в три яруса. Вон Людовик XIV, видишь? *(кто-то помахал с верхней полки стеллажа рукой)*

ТАЛЕЙРАН. Вижу. А почему они лежат?

БАБУШКА. А что им, стоять что-ли? Сам подумай.

ТАЛЕЙРАН. Да, правда. И я лягу?

БАБУШКА. Конечно, закатаешься на какую-нибудь полку истории и поминай как звали. Хотя нет, ты нигде не пропадёшь, тебя надолго запомнят. Славно ты почудил на ТОМ свете!

ТАЛЕЙРАН. Почудил? Ничего себе! Да я Франции... Да что там Франции - всей Европе новую жизнь обеспечил! Законов сколько написал, поправок, деклараций, хартий...

БАБУШКА. Хартий, партий, бонапартий... Вот я и говорю – чудны дела твои...

ТАЛЕЙРАН. Бабушка, а каково тут лежать?

БАБУШКА. Скучно, миленький. Пока-а кто-нибудь вспомнит. Погоди-ка... ну вот, Бонапарт пожаловал, помянула имя его всеу *(крестится)*. Шарль-Морис, птенчик мой, я тут, рядышком... *(растворяется)*

Появляется Наполеон. Талейран склоняется в грациозном поклоне.

ТАЛЕЙРАН. Добрый день, Ваше Величество!

НАПОЛЕОН. Какой уж тут день.

ТАЛЕЙРАН. Простите... Желаю здравствовать!

НАПОЛЕОН. Ваше остроумие здесь неуместно.

ТАЛЕЙРАН. Приветствую Вас, сир! Да пребудет с Вами слава!

НАПОЛЕОН. Что-что, а это всегда при мне, грех жаловаться. Рад Вас видеть, друг мой.

ТАЛЕЙРАН. Вы, я вижу, тут не залёживаетесь. Поминают Вас, часто беспокоят?

НАПОЛЕОН. То и дело переворачиваюсь. Мундир протёрся на локтях, видите?

(Наполеон поворачивается, показывая протёртые места.)

НАПОЛЕОН *(продолжая)*. Сукно дешёвое. Ну, тут уж выбирать не приходится, и на том спасибо, как говорится. Рассказывайте скорее новости, как Вы, как Франция...

ТАЛЕЙРАН. Я умер, Франция жива. Вот и все новости.

НАПОЛЕОН. Мои глубочайшие соболезнования.

ТАЛЕЙРАН. Премного благодарен. *(неловкое молчание)*

НАПОЛЕОН. Мгм... Друг мой, не хотите ли...

ТАЛЕЙРАН. *(прерывает)* Спасибо, спасибо, не беспокойтесь. Я, знаете ли, уже ничего не хочу. Только покоя. Всё имел, всем насладился, всё сказал. Даже не хромаю больше. Теперь - на свободу с чистой совестью.

НАПОЛЕОН. С чистой совестью? Это Вы-то?

ТАЛЕЙРАН. Отчего Вы так вострепнулись? Да, совесть моя чиста как душа ребёнка. И ничто меня не тревожит.

НАПОЛЕОН. Безмятежен как одуванчик. Узнаю Вашу самоуверенность.

ТАЛЕЙРАН. Сейчас вот устроюсь поуютней. Я тут одну штуку открыл *(поводит одной рукой – появляется лужайка, другой – розовый куст.)* Вуаля! Вот лужок, вот кустик, вот я ложусь и отдыхаю. *(ложится на травку и складывает руки на груди как покойник)* Всегда мечтал вот так, на травке поваляться, как пастушок. А то всё дворцы, ковры, перины, балдахины... *(напевает песню про птичку)*

НАПОЛЕОН. Каждому своё. *(движение рукой - появляется походная кровать, ложится)*

ТАЛЕЙРАН. Интересно, а птички тут есть? (*щелкает пальцами – слышно карканье ворон, пробует ещё раз – раздаётся трель дрозда*) Совсем же другое дело!

НАПОЛЕОН. Признаюсь, я всегда завидовал Вашему умению жить со вкусом. Может Александра Павловича для компании позвоём? Он прекрасный собеседник.

ТАЛЕЙРАН. Только не это! Прошу Вас, не надо. А то опять старое бельё перетряхивать начнём. Ни к чему.

НАПОЛЕОН. А я вот не могу просто так лежать. Всё думаю, когда, в чём ошибся...

ТАЛЕЙРАН. Так и Вы меня дожидались? На меня тут большой спрос! Хе-хе... Ваше Величество, бросьте, всё-равно ведь ничего исправить нельзя. Берите пример с меня – наслаждаюсь своим новым состоянием. Вот ножка как новая, красота! (*любуется своей выздоровевшей ногой*). Вам не понять, вы не хромали всю жизнь.

НАПОЛЕОН. (*не слушает*) Знаете, друг мой, сколько пропало замыслов, идей... кто виноват?

ТАЛЕЙРАН. Вы ещё спросите «что делать». В нашем положении это бессмысленные вопросы. Никто не виноват... Рок, судьба... Давайте птичек слушать!

НАПОЛЕОН. ... И чем больше думаю, тем явственнее вижу, что...

ТАЛЕЙРАН. Я Вас предал на самом пике могущества, подготовил, так сказать, закат эпохи Наполеона. Читали, знаем. Довольны?

НАПОЛЕОН. Прямо так и пишут? Эпоха Наполеона... ах, черт, приятно слышать.

ТАЛЕЙРАН. Вам, Ваше Величество, как всегда льстят.

НАПОЛЕОН. (*гневно вскочил с кровати*) Что-о-о? Зря я Вас всё-таки под суд не отдал. Может жил бы дольше! Хитрый лис! ...Предатель!

ТАЛЕЙРАН. Сколько пафоса. Я Вас не предавал, сир, я Вам просто изменил.

НАПОЛЕОН. О-о! Это же в корне меняет дело! Измена это ведь не предательство! Как же я сам-то не додумался. Очень тонко, очень!

ТАЛЕЙРАН. Зачем так драматизировать? Впрочем, Вы всегда любили театр.

НАПОЛЕОН. А Вы всегда были циником, месье Талейран.

ТАЛЕЙРАН. Не большим чем Вы, Ваше императорское Величество.

НАПОЛЕОН. Стяжатель!

ТАЛЕЙРАН. Вы тоже не скромничали, господин бывший младший лейтенант артиллерии.

НАПОЛЕОН. Вы забываетесь, месье Талейран! (*как-бы издали слышен металлический скрежет, Наполеон осекается*) Предлагаю прекратить недостойную перепалку... где Ваша хвалёная учтивость?

ТАЛЕЙРАН. Отошла с миром вместе со мной сегодня в три часа пополудни после прощального визита Его Величества короля Франции Луи-Филиппа с сестрой.

НАПОЛЕОН. Который из орлеанских Бурбонов?

ТАЛЕЙРАН. Из них.

НАПОЛЕОН. М-да. И чем же Вы заслужили такую честь?

ТАЛЕЙРАН. Усердно способствовал сближению Франции и Англии на посту посла в Лондоне. Теперь финансы Франции наконец-то поправятся.

НАПОЛЕОН. Из министров иностранных дел в послы пошли? Сыграли на понижение? И как... стоила игра свеч?

ТАЛЕЙРАН. Вы можете мне не верить, но я трудился практически за одну только идею, не считая гонорара.

НАПОЛЕОН. Ах-ха-ха-ха!! Вы... За идею!!! Ха-ха-а! Не считая гоно... гоно... рара!.. Свежий анекдот! Надо будет рассказать нашим... кесарям... там... *(показывает на полки стеллажа)* Ха-ха-ха-а-а!..

ТАЛЕЙРАН. Не вижу причин для смеха. Вы, Ваше Величество, должны были бы лучше меня понимать! Хотя бы во имя нашей личной дружбы! Я любил Ваш великий ум, Вашу способность точно схватывать смысл событий! И что я вижу? Неужели я ошибался?

НАПОЛЕОН. Ха-ха-а... Вы никогда не ошибались! Ха-ха-а! Я схватывал ...ха-ха! И ещё как. Вы думаете я не догадался, зачем Вы на пике моего и Вашего, кстати, могущества, ушли в отставку? Вы были нужны мне как никогда и вдруг покинули меня.

ТАЛЕЙРАН. И зачем, по-Вашему, я Вас покинул?

НАПОЛЕОН. Затем, что моя игра перестала быть Вашей.

ТАЛЕЙРАН. Верно. Ваша игра превратилась в самоцель. Вы никогда не понимали где кончается возможное и начинается химера.

НАПОЛЕОН. А вы поняли и сбежали, нет - ускакали, сверкая пятками.

ТАЛЕЙРАН. Сбежал, ускакал, уполз – как Вам угодно, только я не нанимался быть палачом Европы.

НАПОЛЕОН. Почему же палачом? Благодетелем! Мы принесли свободу народам.

ТАЛЕЙРАН. Ха-ха-ха! Теперь посмеюсь я! Кто получает «свободу» как готовое блюдо, не может оценить её истинного вкуса. Особенно простонародье. Увы!..

НАПОЛЕОН. Но мой Кодекс, гражданские права!

ТАЛЕЙРАН. Кому они нужны, если нечего есть? Вы обглодали до костей всю Европу.

НАПОЛЕОН. С каких это пор Вы, князь Талейран –Перигор, пожалованный мною герцог Беневентский, стали радетелем за народ?

ТАЛЕЙРАН. С тех самых как Вы, Наполеон-Бонапарт, император французов, стали фактическим диктатором Европы. Но с вершины есть только одно направление - вниз. Я не хотел скатиться вместе с Вами.

НАПОЛЕОН. И однако скатились. Ещё ниже. Я хоть и проиграл, но в честном бою. Меня будут помнить и чтить потомки. А вы сбежали как крыса с корабля.

ТАЛЕЙРАН. Ваш корабль - это гордыня, от неё не грех и убежать.

НАПОЛЕОН. Вот как? Тогда каков же Ваш?

ТАЛЕЙРАН. А мой – Франция! Я всегда служил ей одной.

НАПОЛЕОН. Ой-ой-ой! Сколько патетики! Мне всегда было интересно, сколько же стоил Ваш патриотизм в денежном выражении?

ТАЛЕЙРАН. Что мои доходы в сравнении с Вашими расходами, сир.

НАПОЛЕОН. Мои расходы, это расходы Франции на своё величие!

ТАЛЕЙРАН. Тогда мои доходы, это цена её реанимации.

НАПОЛЕОН. Что-о-о?! Вы хотите сказать, что я ... что моя жизнь была напрасной?

ТАЛЕЙРАН. Нет, сир. Ваша жизнь напрасной не была. Теперь французы чуть что – лезут на баррикады. А вслед за ними рванут и все остальные. Вы открыли черни простую истину: права не даются, права берутся.

НАПОЛЕОН. Но разве это не прекрасно! Европа уже никогда не будет прежней, в ней вырастут поколения свободных, достойных людей!

ТАЛЕЙРАН. В ней погибнут поколения достойных людей. А будут ли они свободны – большой вопрос.

НАПОЛЕОН. Лучше погибнуть за свободу, чем прозябать в рабстве!

ТАЛЕЙРАН. Что такое свобода? Одна из Ваших химер? Нет её. И быть не может.

НАПОЛЕОН (*указывает на Т.*). И этот человек шёл со мной рука об руку на великие дела?

ТАЛЕЙРАН (*указывает на себя*). Этот человек был единственным кто мог остановить Вас.

НАПОЛЕОН. В таком случае, почему же Вы меня не остановили перед походом на Россию?

ТАЛЕЙРАН. Во-первых, я уже не был Вашим министром иностранных дел, а во-вторых ...

НАПОЛЕОН. ...Это и был Ваш способ остановить меня?

ТАЛЕЙРАН. И спасти от Вас Европу.

НАПОЛЕОН. Тоже мне, спаситель нашёлся. Старый интриган! Теперь-то легко приписывать себе заслуги задним числом. Говорят, вы написали мемуары? Интересно было бы почитать.

ТАЛЕЙРАН. А я Ваши прочёл. Блестяще, кроме одного – вы почему-то всю вину за убийство герцога Энгиенского, этого смиренного агнца из дома Бурбонов, возложили на меня.

НАПОЛЕОН. А вы ни при чём?

ТАЛЕЙРАН. Практически нет, тогда как Вы...

НАПОЛЕОН. Но разве не Вы убеждали меня...

ТАЛЕЙРАН. О, я только нашёл где он скрывается и сообщил Вам его адрес, на всякий случай...а уж Вы...

НАПОЛЕОН. Нет, это Вы организовали его арест!

ТАЛЕЙРАН. Но это Ваши люди похитили его и отвезли в Венсенский замок!

НАПОЛЕОН. Его должны были судить, но не казнить!

ТАЛЕЙРАН. Но он был осуждён на казнь и расстрелян той же ночью!

НАПОЛЕОН. Вам была выгодна его смерть!

ТАЛЕЙРАН. А Вам в высшей степени полезна!

НАПОЛЕОН. Вы ничего не докажете!

ТАЛЕЙРАН. Тут и доказывать нечего! Вам нужна была кровь Бурбонов!

НАПОЛЕОН. Мой адъютант не смог доставить письмо коменданту! А там было помилование!

ТАЛЕЙРАН. Он не успел специально!

НАПОЛЕОН. Комендант был болен в тот день!

ТАЛЕЙРАН. Он заболел подозрительно вовремя!

Кажется, Наполеон с Талейраном сейчас подерутся. С полок стеллажа за ними наблюдают исторические персонажи разных эпох. Бабушка Талейрана «болеет» за внука.

С одной из полок спрыгивает статный красивый мужчина, одетый по французской моде конца 18 века и разводит героев в стороны.

ГЕРЦОГ ЭНГИЕНСКИЙ. Господа, прошу вас, не ссорьтесь.

Талейран и Наполеон прекращают перепалку и одновременно поворачиваются к герцогу.

ГЕРЦОГ ЭНГИЕНСКИЙ. К Вашим услугам, герцог Энгиенский.

НАПОЛЕОН. Приветствую.

ТАЛЕЙРАН. Рад знакомству. Мы ведь лично никогда не встречались?

Г. ЭНГ-СКИЙ. Я, собственно, не стремился. Но раз уж так вышло, месье Талейран, позвольте спросить...

ТАЛЕЙРАН. Меня сегодня все спрашивают, как будто я справочное бюро. Вы тоже хотите знать, зачем я Вас предал?

Г. ЭНГ-СКИЙ. А Вы меня предали?

ТАЛЕЙРАН. Собственно... э-э... хм... как Вам сказать... Мнэ-э-э...

НАПОЛЕОН. Ма-атерь божья, глазам своим не верю! Вы ли это? Первый раз в жизни вижу как он смущается. Идите все сюда, на это стоит посмотреть!

Персонажи с полок, кто спрыгивает, кто слезает с кряхтением, окружают Талейрана (это аристократы и представители духовенства). Реплики: «Кайся, ехидна!», «Он не только его, он всех нас предал». «А нас продал!», «А меня трона лишил...»

НАПОЛЕОН. Ну-ну, отвечайте! Расскажите всем, как Вы на него (*показывает на Герцога Энгиенского*) мне клеветали, бумаги задним числом подмахивали, правовую базу под арест подводили...

БАБУШКА. (*Наполеону*) Не смей обвинять моего внука! Корсиканский самозванец!

НАПОЛЕОН. А Вы мадам, старорежимная мегера!

ТАЛЕЙРАН. Господа, господа, мадам, месье! Спокойно! Да, я смущён! Но каяться мне не в чем. (*Герцогу*) Вас, Ваше Высочество, я не предавал. И не мог предать, потому что у нас с Вами не было никаких дел, я Вам ничего не обещал и ни в чём не клялся. Так ли это?

Г. ЭНГ-СКИЙ. Истинно так. Поэтому я и удивлён.

ТАЛЕЙРАН. Не удивляйтесь. Просто до Вас меня уже дважды обвинили в предательстве и я дважды чистосердечно оправдался.

НАПОЛЕОН. Ловка-ач... чистосердечно оправдался, видали? Да это же Вы мне намекали про заговор! Вот в это самое ухо (*показывает на своё ухо*) нащёптывали, что готовится переворот, что, якобы, один из принцев Бурбонов что-то замышляет, что...

ТАЛЕЙРАН. Не отрицаю, намекал, но только после намёков месье Фуше вот в это ухо (*показывает на своё ухо*). Ведь это он и раскрыл заговор, не так ли? И получил за это от Вас, Ваше Императорское Величество, пост министра внутренних дел, между прочим. (*Энгиенскому*) Ваше Высочество, меня ввели в заблуждение, произошла досадная ошибка – вас казнили вместо другого. Скорблю вместе с Вами.

Г. ЭНГ-СКИЙ. Такие ошибки страшнее преступления.

ТАЛЕЙРАН. Прошу покорнейше меня простить .

Г. ЭНГ-СКИЙ. Что уж теперь? Дело сделано.

НАПОЛЕОН. Как элегантно! Он Вас не предал, а предал Вас в руки моего правосудия. Месье Талейран, Вы превзошли самого себя!

Голоса персонажей к Наполеону: «Герцог казнён невинно по Вашему приказу!"

НАПОЛЕОН. Меня обманули! Все вопросы к Фуше!

Г. ЭНГ-СКИЙ. Но он же спит вечным сном? Как мы его спросим?

ТАЛЕЙРАН. Как это возможно? Все бдят, а он спит?

Г. ЭНГ-СКИЙ. Так он же атеист! У них после смерти только сон, чернота сплошная.

ТАЛЕЙРАН. Ничего, разбудим. Ваше Величество, прикажите ему явиться.

НАПОЛЕОН. Как?

Г. ЭНГ-СКИЙ. Да как обычно.

НАПОЛЕОН. Господин Фуше, прошу Вас немедленно к себе!

На сцене появляется кладбище без крестов, в центре стоит статуя Сна с надписью «Смерть есть вечный сон» (*напоминает греческого бога Гипноса*). По сцене блуждает Фуше в ночной сорочке и колпаке. Он движется как лунатик с вытянутыми вперёд руками и закрытыми глазами, спотыкаясь о могилы. Из толпы продирается епископ.

ЕПИСКОП. Это он! Это он в Невере над мёртвыми надругался! Кресты на кладбище содрал! И на могиле написал: «Смерть есть вечный сон!» Атеист! Так проснись же!

Епископ хватает Фуше за горло и душит. Тот отбивается с воплями и открывает глаза.

БАБУШКА. Так ему, так ему, ироду! Якобинец нераскаянный!!

ТАЛЕЙРАН. Господа, прошу задавать вопросы. Ваше Высочество, у Вас есть вопросы к месье бывшему министру?

Г. ЭНГ-СКИЙ. Как поживает мадемуазель Жорж?

Толпа персонажей оживляется – каждый стремится задать свой вопрос о своих ещё живых близких.

ТАЛЕЙРАН. Герцог, спрашивайте по существу.

Г. ЭНГ-СКИЙ. Это по существу. Я же её любил.

ФУШЕ. *(крестится)* Господи помилуй, господа помилуй, господа помилуй! Изыди, изыди, изыди! *(Яростно накладывает кресты на всех кто рядом)* Демоны!

НАПОЛЕОН. Месье Фуше! Мы не демоны. Неужели Вы не узнаете своего императора?

ФУШЕ. Вот он главный демон-то и есть! А-а-а!!!

Г. ЭНГ-СКИЙ. Бедный старик, совсем из ума выжил. Месье Фуше, это просто сон, мы Вам снялся...

ФУШЕ. *(Шарахается от Герцога)* А-А!!! Страшный сон!

ТАЛЕЙРАН. Месье Фуше...

ФУШЕ. А-А! Талейран!!! Какой дурной знак! Чур меня, чур, чур!

НАПОЛЕОН. От него решительно ничего нельзя добиться. Старый дурак.

Через толпу пробирается Людовик XVI.

ЛЮДОВИК XVI. Позвольте Нам! Мы, Людовик XVI, милостью Божией король Франции, узнали его! Он голосовал в Конвенте за Нашу казнь! Посмотрите на него, крестится тут! В Бога уверовал! *(Людовик XVI аккуратно снимает голову с плеч.)* Они лишили Нас не только головы, но и имени! Был Людовик XVI, а стал гражданин Капет! Отвечай, сатана проклятый, принесла Наша кровь пользу Франции? Принесла? Принесла?

Людовик тычет в лицо Фуше своей окровавленной головой. Тот визжит от страха как поросёнок. Потом хватается за сердце и оседает. Людовик оставляет его.

Г. ЭНГ-СКИЙ. Напугали старика.

ТАЛЕЙРАН. И поделом.

НАПОЛЕОН. Видали? За сердце схватился, как будто оно у него есть.

БАБУШКА. Какое ещё сердце? Притворщик! Палач! Вот тебе, вот тебе!

Бабушка неумело пинает Фуше, сидящего на корточках и прикрывающего голову руками. Вдруг тело Фуше обмякает и он проваливается вниз.

Г. ЭНГ-СКИЙ. За самосуд придётся отвечать.

БАБУШКА. Подумаешь! Собаке собачья жизнь!

ЛЮДОВИК XVI. И ответим! Не впервой. Ах, как Мы славно развлеклись! Месье Талейран, благодарим Вас и приглашаем на randevу, Мы охотно уделим Вам время! Какие могут быть счёты между старыми врагами...

ТАЛЕЙРАН. Всенепременно... Ваше бывшее Величество! Всегда рад служить Вам!

ЛЮДОВИК XVI. (*гневно*) Мелкая душонка!

НАПОЛЕОН. (*весело*) Идите-идите, гражданин Капет, а то Ваше место в истории покроется без Вас пылью.

ЛЮДОВИК XVI. Самозванцы! Ещё неизвестно кто над кем будет смеяться! Грядёт страшный суд! Обрушится на вас кара небесная! И никто не заступится, слова доброго не ска-а-а...

Пара персонажей утаскивают Людовика под руки, кто-то уносит памятники. Все живо обсуждают бедного Фуше и занимают свои места на стеллажах. Статуя Сна остаётся на сцене.

НАПОЛЕОН. Самодовольный индюк!

ТАЛЕЙРАН. Ох, Ваше Величество, я бы на Вашем месте так не веселился.

НАПОЛЕОН. Вы опять с намёками? Мне бояться нечего. Я был целой Эпохой и оставил о себе великую память. А вот Вы, месье Талейран, какую память о себе оставили? Продажный министр Наполеона? Отец лжи?

ТАЛЕЙРАН. За отца лжи – спасибо. Это большой комплимент! Я бы сказал даже, высочайшее признание для дипломата и политика. Что же касается продажности... Я продавал только тех, кто пытался меня купить. Разве это не справедливое возмездие за унижение?

НАПОЛЕОН. Так Вы испытывали чувство унижения когда Вам предлагали взятки?

ТАЛЕЙРАН. Ещё какое. И компенсацией могла быть только её величина.

НАПОЛЕОН. Вот как! Не любите унижаться?

ТАЛЕЙРАН. Конечно нет, как любой человек с чувством собственного достоинства. Также я не люблю унижать других, тем более великие державы... запрашивая с них маленькие суммы.

НАПОЛЕОН. Bravo! Я искренне Вами восхищён! Вы действительно гений. Гений изворотливости ума и выворачивания фактов наизнанку.

ТАЛЕЙРАН. Смените угол зрения и Вы обнаружите во мне гения находчивости и истинного творца истории эпохи Вашего имени.

НАПОЛЕОН. Вы считаете, я въехал в историю на Вашем горбу?

ТАЛЕЙРАН. С очевидностью не поспоришь.

НАПОЛЕОН. От молодец! Даже сердиться на Вас не могу. Гений! Гений да и только!

Наполеон оглядывается, ища повод ещё раз проверить находчивость Талейрана и видит статую Сна.

НАПОЛЕОН. Ну, а про это что скажете? «Смерть есть вечный сон».

ТАЛЕЙРАН. Без сна невозможна жизнь. Стало быть сон – это жизнь. А вечный сон – это вечная жизнь. Значит смерть – это вечная жизнь.

НАПОЛЕОН. *(аплодирует)* Восторг! Смерть это вечная жизнь! Ха-ха-ха-а-а!..

(поперхнулся) Но... послушайте... А если это правда...

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Это правда...

ТАЛЕЙРАН. Кто здесь?

На сцене появляется старик с метёлкой для смахивания пыли и обметает статую сна, потом протирает ей тряпочкой глаза, которые вдруг начинают моргать.

СОКРАТ. А жизнь это вечное умирание. Люди, как правило, этого не замечают.

НАПОЛЕОН. Кто это говорит? Кто Вы?

СОКРАТ. Сократ.

НАПОЛЕОН. Всё. Мне пора...

ТАЛЕЙРАН. Доигрались...

ЗАНАВЕС

Конец первого действия